

Юна Лету

Воздушные сны

Как Рим
учился воплощаться

Юна Летц

Воздушные сны. Как

Рим учился воплощаться

<https://litres.ru/74597442>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга-носок о том, как весело гулять между мирами, особенно если ты недавно родился и можешь видеть антилоп души и световых жирафов и кататься на велосипеде ветра. А ещё выраживать улыбки на лице, открывать банки с солнцем и говорить с Бо, который сидит на горе.

Укутывайтесь в тишину и поехали в приключение, которое начинается, стоит только закрыть глаза.

Содержание

Воздушные сны	4
Рыбаки лета	6
Небесный велосипед	8
Пузыри	9
Рост	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Юна Летц

Воздушные сны. Как Рим учился воплощаться

Воздушные сны

Сны, которые он видит, воздушны. Он бежит по лугам и полям, растягивая пейзажи как пуговицы, распахивая пространства как большой такой плед-конверт. *Что мне пришло?*

Он встречает огромных красивых зверей — лиса, умудренного мудростью, которая стала его хвостом, сильного пеликана, раскрывшего объятия морю, лесных фей, расправивших листья в свои платья. Столько всего вокруг — пока он в межмирье, его путешествие бесконечно.

Он плывёт по тишине дня, разминая руки и ноги, словно хочет схватить, но не хочет удерживать. Иногда появляется чувство: может, пора? Пора обратно? Но ему хочется погулять — там, где луга, поля, бабочки. Где хочешь — можешь лететь, хочешь — можешь стать цветком или познакомиться с большой куколкой пчелы, такой огромной, что её полосы стекают мёдом и можно купаться в нём, а не просто есть.

— В жизни всякое бывает, — говорит пчела, — но мёд —

это лучшее, что есть в моём резюме.

Пальцы рисуют клевер, ноги прощупывают воздух. Поле. Оно такое вкусное. Маршмеллоу. Он ещё не ел, но уже предчувствует. Он бежит по полю, лёжа на своей цветочной простыне.

Так он бежит, пока выключен свет, но только солнце пришло, что-то щекочет его изнутри — любопытство. *А что в этом мире есть? Что в нём? Пойду, посмотрю.*

«Привет. Я Рим. И я проснулся».

Рыбаки лета

Сетями объятий, как рыбаки лета, они ловят цветущие деревья восприятием и передают этот импульс дальше. Тихо-тихо, как лодка ветра. Маленькие птицы — щекоткой по веткам. Смотри туда, где воздух смеётся радугой. Когда лежишь на спине, это и видишь. И подковы коней, несущих желания на флажках лунгта. Это сливается в рассвет — желания, поднимающиеся с поверхности, красные и алые, оранжево-персиковые, продолжающиеся нитями апельсиновых рыб.

— А чего это они все оранжевые? — спросил кто-то.

— Потому что рассвет не бывает серым, — ответил рассвет. — Это моё правило.

Тепло в пальцах находит себе приятеля. Это дымка. Солнечная девочка, которая часто смеётся, создавая лето где бы она ни была. Зайдёт в холодильник — и там через пять минут подсолнухи.

Цветок голоса распускается. Как это хорошо, когда можно кричать — выращивая маки, ромашки, герберы, такие плюхи, белые и розовые пионы, огромные шары смеха.

Жёлтые дикобразы цинний. Лютики. Это такие маленькие цветы, которые не могут вслух сказать «я тебя люблю», но тихонько хихикают — и ты понимаешь.

Цветы — это рыбы света, а корни — узоры солнца, раз-

литого реками в темечке глубины. Гуляя по полю, он видит, что может разворачивать своим голосом миры. Может раскрыть потолок! Может изменить форму облака! *Хочешь лошадку? Лови!*

Лошадка галопом унеслась за горизонт. Рим удивился: надо же, из облака — и сразу в галоп, без разминки. А лошадка, не оборачиваясь, крикнула на бегу:

— Спасибо, что не сделал меня единорогом!

Рим улыбнулся. Он знал: в этом мире даже облака умеют быть благодарными. И если очень постараться, можно услышать, как они тихо фыркают, будто настоящие кони, когда ветер тербит им гривы.

Небесный велосипед

Когда он разбегается, ему кажется, что воздух становится плотнее, он усиливает движения — бежать скорей, скорей, запрыгивая на небесный велосипед, уплотняя невесомость в круги, которые становятся колёсами.

Лента медиума — дороги птиц, здесь меридианы видимы, и он скачет по ним, как по ниткам, на своём свежесозданном транспорте. Ехехей! Карибу! И акуна матата!

Если бы у Рима были права, в графе «транспортное средство» стояло бы: «невесомость, два колеса из воздуха, руль из ветра». Инспектор бы посмотрел, вздохнул и попросил автограф.

Пузыри

Как это весело — надувать пузыри ртом, глядя, как они начинают вбирать в себя мир. Здесь деревья такие пузатые, как небо с его беглыми животными. Они бегут, становясь то одним, то другим. Бегемоты переходят в пингвинов, а маленькие коровки становятся леопардами. Однажды он увидит их всех в дикой природе. А пока он выдувает зверей-пузыри.

Он выдул один такой большой, что в нём отразился весь мир. Весь мир — с его сезонами, дождём и солнцем, и песчаными розами, которые цветут, если ветер влюбляется в море, подвешенное в вышине.

Весь мир — с его лесами, голубями, белыми парусами, большими лентами dalej, gekkonami и лепскими круалями. Большой мир с проявленным и непроявленным. Большое такое шаро из слюны. Он знает, что это не надувательство, это напротив. Он дует их, чтобы всё это проявить. Его работа — делать невидимое видимым, поэтому он перерабатывает слюну в шары и снова и снова показывает: смотрите, смотрите, всё это здесь. Смотрите, если вы не видите, посмотрите ещё раз.

— А если я посмотрел и всё равно не вижу? — спросил однажды кто-то.

— Значит, ты смотришь глазами, — ответил Рим. — А

надо вниманием. Глаза — это только лупа. Внимание — это свет.

Он дует пузыри и смеётся, перебирая глазами звёзды, которые плетутся у его ног как маленькие дельфины-медузы. В его пузыре, который он надул, верх — это низ, а низ — это верх, а каждый бок — ложка моря, разлитого по доньшку.

Неплохо, да? Очень даже хорошо. Рим рад, что теперь ты рассмотрел.

Рост

Расти. Вот это приключение. Тело становится шире, ноги удлинняются. Это немного щекотно — всё становится больше — руки, солнце, волосы, день. Всё растёт с его телом. И его праздники начинаются, начинаются каждый день.

Что ещё он запишет в себя? Какие явления станут его коленями, чашечками для веселья, что станет его головой, ушами, моржами его морей и тёплыми мягкими подушечками пальцев, которые и крылья, и плед, и цап.

Он точно решил успеть — собрать в своём теле и лето, и тето (ещё не решил, что это такое, но оно уже тёплое), и пароходы тропических рек, и маленькие океаны цихлид, глаза которых разворачиваются по кругу, глядя то внутрь, то вне. Цихлиды — это рыбы, которые не могут решить, смотреть им в себя или в мир. Поэтому смотрят везде одновременно. Рим понимал их как никто.

Он соберёт в своём теле мурантов, крошечных муравьёв, расползающихся мурашками по коже земли, бесконечных астрамусов, успокоенных звёздным молоком детей комет, липкие, но затерянные семена мангров, которые считаются живородящими. Радугу огромного водопада, падающую светильным веером на букет протей. Лопатки летящего нежа, вносящего облака сердец. И остроконечные георгины, уплевающие солнце за все лепестки. Георгины — страшные об-

жоры. Дай им солнце — съедят. Дай им рассвет — съедят. Дай им абрикос — попросят ещё. Но зато от них всегда тепло.

Небеснится. Небесное дело такое весёлое — с одной стороны, тело растёт, с другой — можно выдувать пузыри и летать вот так, касаясь мысками хрустящих гор побережья неба.

— А что будет, когда я вырасту совсем? — спросил Рим у ветра.

— Ты станешь настолько большим, — ответил ветер, — что тебе не нужно будет никуда идти. Везде будешь ты.

Рим задумался. Звучало заманчиво, но хотелось хотя бы иногда выходить за хлебом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.